

УДК 811.161.1'272
ББК Ш141.12-006.21

ГСНТИ 16.21.47; 16.31.61
С. П. Хижняк
Саратов, Россия

Код ВАК 10.02.19; 10.02.21

S. P. Khizhnyak
Saratov, Russia

РОЛЬ ПОЛИТИКИ И ИДЕОЛОГИИ В ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

THE ROLE OF POLITICS AND IDEOLOGY IN THE HISTORY OF RUSSIAN LEGAL TERMINOLOGY FORMATION

Аннотация. Анализируется влияние политики и идеологии на состав, семантику и концептуальные характеристики терминосистем права и правоведения. Исследование выполнено на материале памятников русского права, современных законодательных актов, лексикографической и монографической литературы по юриспруденции. Выявлены особенности изменения состава терминов в разные исторические периоды под воздействием политики и идеологии, характер семантики терминов, особенности современных правовых идеологических концептов.

Abstract. The article deals with the influence of politics and ideology on terms, their meanings and conceptual characteristics of terminological systems of law and jurisprudence. The research is based on records of laws, modern legislation, dictionaries and the studies in the sphere of jurisprudence. Characteristic features of alteration of the corpus of terms in various historical periods under the influence of politics and ideology, meanings of terms, specific features of modern legal ideological concepts are considered.

Ключевые слова: терминология права; терминология правоведения; значение терминов; идеологический компонент содержания терминов; политический фактор; идеологический фактор; терминологические концепты.

Key words: terminology of law; terminology of jurisprudence; meanings of terms; ideological component of terminological semantics; political factor; ideological factor; terminological concepts.

Сведения об авторе: Хижняк Сергей Петрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка, теоретической и прикладной лингвистики.

About the author: Khizhnyak Sergei Petrovich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the English Language, Theoretical and Applied Linguistics.

Место работы: Саратовская государственная юридическая академия.

Place of employment: Saratov State Law Academy.

Контактная информация: 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.
e-mail: khizhnyak@sgap.ru.

Юридическая терминология относится к терминологии общественно-политической. Вхождение ее в состав общественно-политической терминологии имеет экстралингвистическое обоснование: **общественно-политическая терминология** — это система подсистем терминов общественной надстройки, включающая в себя и юридическую терминологию. Политика и право — взаимозависимые регулятивные системы общества. Их различие обусловлено сферами управления (политической и административно-правовой), относительной стабильностью норм права и значительной изменчивостью политических решений; политика распространяет свое влияние на право, но оно не всегда присутствует в сфере политики.

Юридическая терминология, в свою очередь, состоит из двух подсистем: **терминосистемы права (закона)** и **терминосистемы правоведения**. Такое деление обусловлено двумя сферами функционирования кодифицированной юридической терминологии: официально-деловой и научной. Терминология права — терминология правоприменительной практики, терминология право-

ведения — терминология науки о праве. Различия между терминосистемами права и правоведения заметны и в истории их происхождения. Терминосистема русского права зародилась в X в. и была зафиксирована в древних законодательных актах. Терминосистема правоведения начала формироваться позже, в связи с началом теоретического осмысления этого общественного явления в России в XVIII в.

Зарождение права неразрывно связано с образованием государства как универсального явления человеческой цивилизации. Оно возникает в период распада первобытных родовых отношений в связи с необходимостью урегулирования личных, межличностных, групповых и общественных отношений. При возникновении государства формируются классы и разновидности общественных отношений — классовые отношения, которые также регулируются государством.

Политический аспект формирования юридической терминологии заключается прежде всего в характере состава терминов, часто обусловленного внутривидовыми и

внешнеполитическими факторами, отражающими конкретную общественно-политическую обстановку, в которой существует и развивается государство. Закон имеет волевой характер, а потому законодатель отбирает явления действительности, в том числе и политически значимые, и превращает их в явления действительности правовой (правовой картины мира).

Зарождение российского государства и права относят к 882 г., а древнерусское государство характеризуют как раннефеодальную монархию. Дальнейшая периодизация истории развития государства и права России определяется различными факторами; основными считают изменения в социально-экономическом укладе общества и развитие государственности. В соответствии с указанными критериями периодизации в истории права и государства России выделяют несколько этапов. Существуют разные классификации этого процесса. Например, В. Н. Синюков считает целесообразным выделять пять периодов: 1) становление правовой системы, которая соответствует древнерусскому земскому устройству государства (X—XIII вв.); 2) правовая система Московского государства (XIV—XVII вв.); 3) правовая система времен Российской империи (XVIII — начало XX в.); 4) правовая система Советского государства (20—80-е гг. XX в.); 5) постсоветская правовая система (конец XX в.) [Синюков 1994: 82—83]. Каждый этап развития права характеризуется особыми политико-идеологическими факторами, повлиявшими на эволюцию юридической терминологии.

Одной из характерных особенностей юридических терминов (права и правоправедения) является оценочность, которая может быть обусловлена морально-этическим, идеологическим, классификационным факторами, необходимостью правоприменения осуществлять правовую инициативу. А. Ф. Черданцев отмечает, что в правоведении объектом оценок может быть всё, что изучается данной наукой. Отмечается также оценочность с точки зрения партийности юридической науки в период господства единой государственной идеологии [Черданцев 1993: 109].

Классово-оценочные термины заметны уже в начальный период формирования русской юридической терминологии, закреплённой в Русской Правде — первом своде древнерусского феодального права. Это термины, обозначающие представителей социальных сословий: *великие бояре, меньшие бояре, люди молодые, люди свободные, люди черные, закуп, наймит, смерд, жены великих бояр, жены городских людей,*

жены простой чади. В этих примерах оценочность обусловлена социально и идеологически и подкрепляется градацией системы штрафов за сходные преступления, совершенные против представителей разных классов.

Категория преступления является наиболее политически обусловленной в терминологии права. В ходе развития российского государства состав терминов этого микрополя всегда испытывал значительное влияние политического и идеологического факторов, поскольку «перипетии классовой борьбы неизбежно находят свое отражение в языке» [Черных 1956: 20]. Если в начальный период развития русской терминологии права существовали термины, обозначающие преступления, которые нельзя причислить к классово ориентированным (*блуд, головничество, душегубство, зубоядение, поклеп, разграбление, прелюбодеяние, свада*), то в XIV—XVII вв., в период обострения противоречий между имущими и неимущими классами, развития крепостничества, классово ориентированные термины разнообразны по своей семантике: *поджог, непригожее слово, побег, ослушание, измена, мятеж, непристойные речи, стачка, умышление на государственное здоровье, смута* и др.

XVIII — начало XIX в. в России — период решения сложных внешнеполитических и экономических проблем. Перед государством стояли задачи возвращения берегов Балтийского и Черного морей, борьбы против действий, подрывавших его экономическую и политическую основы. В связи с этим в микрополе терминов со значением преступного деяния в XVIII в. появились такие термины, как *вред государственному интересу, презрение указов, преступление против закона, утаение злодея, преступление в оскорблении Величия* и др. В XIX в. эта группа терминов пополняется вследствие обострения классовой борьбы, обусловленной развитием капиталистических отношений (*восстание против властей, нападение на чинов полиции, неповиновение фабричных людей владельцу, участие в противозаконном сообществе*).

Особенно значительные изменения в составе терминов, обозначающих преступления, произошли после Октябрьской революции 1917 г. в связи со сменой идеологии и проводившейся внутренней политикой, направленной на подавление сопротивления приверженцев старого строя. В это время появились термины *контрреволюционный саботаж, присвоение функций государственной власти, рассылка гонимых с контрреволюционной целью* и др.

Воздействие политических и идеологических факторов на состав терминов рассматриваемой семантики заметно и в современный период развития российского права. Приведем лишь недавно появившиеся термины, означающие преступления: *оскорбление религиозных чувств верующих; создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан*. Первый термин появился в связи со скандальными эпизодами, которые произошли в православных церквях в 2011 г., а второй — в связи с пересмотром статуса НКО, выполняющих функции иностранного агента. Состав таких терминов отражает систему политических и идеологических подходов к оценке общественных процессов.

Как указывалось выше, русская юридическая терминология развивалась как терминология права в течение восьми веков; предпосылки к систематическому познанию законов появились только в XVIII в. С самого начала терминология правоведения развивалась под воздействием идей просвещенного абсолютизма в России, деятельности комиссии о сочинении проекта нового Уложения, политических процессов, происходивших в российском обществе. Так, специально для новой уложенной комиссии Екатериной II был написан «Наказ». Значительная часть его текста — заимствования модных политических идей «века Просвещения», разработанных Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, Д. Дидро и др. Однако по своей концепции «Наказ» считается самостоятельным произведением, в котором выражена новая идеология «просвещенного абсолютизма» в России [Исаев 1994: 141]. Екатерина II переосмыслила ряд положений Ш. Монтескье, идеи которого, заложенные в трактате «О духе законов», стали основой «Наказа». Так, классификацию Ш. Монтескье, различавшего три формы государственного устройства (*республику — демократическую и аристократическую, конституционную монархию и деспотию*), Екатерина дополняет четвертой формой, отличной от конституционной монархии и деспотии — *монархией самодержавной*. Учение о разделении властей было подменено в «Наказе» распределением функций между учреждениями, подвластными самодержцу, и т. п. [См.: Папаригопуло, Покровский 1959: 10—13]. В «Наказе» были обоснованы политические принципы абсолютистского государства: власть монарха, бюрократическая система, сословное деление общества. В документе встречается ряд терминов зарождающейся юридической науки: *граждане, государственная власть, республика, монархия, деспотия, порядок*

вещей, средний род людей, нижний род людей.

Формирование оценочных дефиниций правоведения в зависимости от официальной идеологии также можно отметить в тексте «Наказа». Так, определяя принцип *самодержавия*, Екатерина II писала: «Ибо никакая другая, как только соединенная в его (самодержца. — С. Х.) особе власть не может действовать сходно с пространством столь великого государства» [Цит. по: Грацианский 1978]. Сходное определение находим и у известного ученого-правоведа второй половины XVIII в. С. Е. Десницкого: «Самодержец и есть один всего правительствующего сената надзиратель и судья, от которого приказаний зависит и в его единственном повелении сенат будет завсегда» [Юридические произведения ... 1959: 101].

Иногда юридический термин имеет неодинаковые оценочные компоненты в разные временные периоды вследствие концептуального переосмысления понятий. При смене идеологии значение термина может подвергаться сужению за счет одних семантических множителей и расширению за счет других. Подобные семантические процессы можно проследить на следующем примере. Термин *преступление* появился к XVIII в. В это время в терминосистеме права существовали термины, объединенные родовыми номинативными единицами *воровство, лихое дело* и др. Эта подсистема терминов сначала включала в себя единицы со значениями: а) преступлений, совершаемых против личности (*убийство, похищение*); б) имущественных преступлений (*татьба, разграбление*); в) церковных преступлений (*церковная татьба, еретичество*). В XIV—XVII вв. возникают термины для обозначения преступных деяний против государства и господствующих классов (*умышление государем быть, измена, стачка, ослушание*). Следовательно, понятие преступного деяния уже включало в себя такой семантический признак, как «посягательство на существующий порядок».

В советском праве рассматриваемая подсистема пополнилась новым термином — *халатность*, который стал обозначать «преступление, заключающееся в невыполнении или ненадлежащем выполнении должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред гос. или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан» [ЮЭС 1984]. В общелитературном языке слово *халатность* некогда обозначало «бездеятельность, лень, косность» [ССРЛЯ],

поэтому в значении термина *преступление* появилась потенциальная сема 'бездеятельность'. Ее потенциальный характер предопределялся альтернативой, заключавшейся в формулировке дефиниции (см. ниже).

Вместе с тем в период, последовавший за Октябрьской революцией, юридическая терминология утратила термины церковного права, некогда входившие и в подсистему терминов, обозначавших преступные деяния (*раскол, ересь*), в значении термина *преступление* также была утрачена сема 'грех', которая как раз и содержалась в наименованиях церковных преступлений. Ср. определения термина *преступление* в словарях, фиксирующих лексику русского языка различных исторических периодов: «нарушение, преступление, грех, грехопадение» [СЦЯ]; «общественно-опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на личность, конституционный строй РФ, а также на иные охраняемые законом объекты» [ЮЭС 1997]. В этом случае изменение значения термина *преступление* было обусловлено включением в лексико-семантическую группу терминов, появление которых было связано с настоятельной потребностью права квалифицировать новые явления в жизни общества, представляющие угрозу физическим лицам, а также обществу и государственному устройству в целом. Изменение значения термина было связано и с лингвистическим фактором — обновлением парадигматических отношений в терминосистеме за счет новых терминов.

Спецификой юридической терминологии можно считать то, что изменение значений терминов часто обусловлено идеологической переоценкой общественных явлений, подлежащих правовому регулированию. Характер таких изменений зависит от процесса преемственности в идеологической сфере, поскольку идеология «формулирует свои положения в основном в понятиях и категориях, созданных ранее, но вкладывает в них новое содержание, включает их в новые системы воззрений» [Крючкова 1982: 33]. Так, после Октябрьской революции изменились значения старых терминов, которые были восприняты советским правом. Ср., например, дефиниции некоторых терминов в словаре XIX в. (а) и в словаре, составленном в 50-х гг. XX в. (б): *государство* — а) «страна, обладаемая государем; царство, государственная власть» [СЦРЯ]; б) «политическая организация общества, особо важная часть надстройки классового общества» [ЮС]. Ср. также и значения этого термина в современном словаре периода «развитого социализма» и в постперестроечном словаре:

«основной институт политической системы классового общества; осуществляет управление обществом, а в классово антагонистич. обществах используется для подавления классовых противников экономически господствующего класса» [ЮЭС 1984]; «определенный способ организации общества, основной элемент политической системы, организация публичной политической власти, распространяющаяся на все общество, выступающая его официальным представителем и опирающаяся в необходимых случаях на средства и меры принуждения» [ЮЭС 1997]. В последнем определении семантический компонент 'классовость' исчез. Однако в доктринальном толковании термин *государство* достаточно долго сохранял эту сему: «организация политической власти, содействующая преимущественному осуществлению конкретных интересов (классовых, общечеловеческих, религиозных, национальных и т. п.) в пределах определенной территории» [Малько 1996: 31].

Идеологический компонент значения присутствовал в различные периоды развития терминологии права и в семантике других терминов. Ср.:

- *закон* — а) «постановление, предписание верховной власти», «правило, начало» [СЦРЯ]; б) «нормативный акт высшего органа государственной власти, выражающий волю господствующего класса, изданный в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой» [ЮС];

- *право* — а) «власть, преимущество, свобода действовать в известных пределах, данная правителем, или законом» [СЦРЯ]; б) «совокупность правил поведения (норм), выражающих волю господствующего класса, установленных или санкционированных государственной властью, соблюдение и применение которых обеспечивается государственным принуждением в целях закрепления и развития общественных отношений, выгодных и удобных классу, осуществляющему государственное руководство» [ЮС].

Ср. также характер изменения оценки терминов *несменяемость судей* и *разделение властей*, произошедшего после распада социалистической системы:

- *несменяемость судей* — «в бурж. праве один из принципов *судоустройства*, согласно к-рому судьи назначаются и не могут быть смещены или отозваны. Судья может быть уволен по достижении определенного, установленного законом, возраста либо в силу решения специального уполномоченного органа. Принцип Н. с. олицетворяет недемократичность бурж. суда, учитывая сугубо классовый подход при отборе на судей-

ские должности» [ЮЭС 1984]; «один из основных конституционных принципов судостроительства (судебной системы) в большинстве демократических стран мира» [ЮЭС 1997];

- *разделение властей* — «бурж. политико-правовая доктрина, согласно к-рой гос. власть понимается не как единое целое, а как совокупность различных властных функций (законодательной, исполнительной, судебной), осуществляемых независимыми друг от друга гос. органами» [ЮЭС 1984]; «один из основных принципов конституционализма, согласно которому единая гос. власть подразделяется на самостоятельные и независимые друг от друга законодательную, исполнительную и судебную (наряду с которыми иногда выделяют также учредительную, избирательную и контролирующую) власти» [ЮЭС 1997].

В конце XX в. языковеды стали говорить о процессах деидеологизации русской лексики, а правоведы — о деидеологизации права. На ошибочное восприятие процесса деидеологизации права указывает известный конституционалист С. А. Авакьян. Он отмечает, что нормы ст. 13 Конституции РФ «порой толкуются так, что Конституция исключает всякую идеологическую составляющую нашего государственно-политического развития. На самом деле подоплека указанных конституционных положений несколько иная — со всей очевидностью они появились в свое время, чтобы исключить прежнюю идеологию как основу конституционного строя. Та идеология предполагала только однополярные ценности, а они как раз и не подходили новому обществу. Их отвергли, но при этом нормы Конституции сформулировали так, что вроде новой идеологии у общества, государства не существует ... путь, который ... предпочла сегодняшняя Россия, состоит в том, что идеологическим фундаментом конституционного строя, всего образа жизни объявляются общечеловеческие ценности... Это тоже своего рода государственная идеология» [Авакьян 2009]. Н. М. Казанцев также отмечает роль Конституции РФ в установлении современной идеологии. «В ней государственная идеология уже установлена — это сама Конституция, поэтому она и запрещает устанавливать еще что-то <какую-либо идеологию в качестве государственной (ст. 13 Конституции РФ. — С. Х.)>. Это само по себе неплохо, потому что провозглашать идеологией закон и право — нормально. Другое дело, как показывает Хантингтон, фактически каждая из трех идеологий — социализм, либерализм и консерватизм — является деформацией определенного правового

принципа, и каждая из них уже права» [Казанцев 2010: 50].

Идеология оперирует идеологемами. В праве такие идеологемы составляют часть концептуального содержания права и правовой науки, которая также должна следовать положениям конституционного права как его основополагающей отрасли. Концепт имеет как понятийную, так и непонятийную основу. Непонятийная основа представлена так называемыми непонятийными компонентами значения — всей совокупностью фоновых знаний о предмете или явлении. Концептуальное содержание юридического термина (хотя, вероятно, неполное) заключено, например, в статьях юридических энциклопедических словарей, в которых представлены разнообразные сведения о предмете или явлении, а также в монографической литературе, в которой обсуждаются основные направления исторического процесса изменения социально-правового явления, а также его современные признаки. Понятийная основа концептуального идеологического содержания современного российского правоведения может быть рассмотрена на основе идеологем конституционного права, которые закрепляются в семантике терминов, значение которых равно понятию. Особенно важны в этом плане понятия, выражаемые терминами, используемыми в главе 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя» (*права, свободы, суверенитет, федерализм, собственность, разделение властей, местное самоуправление* и др.).

Понятие разделения властей в самой Конституции никак не определяется; в ней только констатируется, что «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» (ст. 10). Содержание понятия и суть теории разделения властей с исторической точки зрения подробно проанализированы А. Н. Медушевским, который отметил, что, в отличие от предшествующих периодов развития этого понятия, в котором присутствовали и последовательно сменялись такие содержательные компоненты, как 'обеспечение свободы индивида', 'эволюция в направлении к правовому государству', 'возможность более рациональной административной организации', 'гарантия от возрождения тоталитарной угрозы', современное понимание разделения властей «вводит в сознание общества идею о социальном контроле над распределением и удержанием властных полномочий различными политическими силами» [Медушевский 1994].

Изменение значений терминов, таким образом, также испытывает на себе воздействие разнообразных факторов, ведущими из которых часто являются политические, а также оценочность, в том числе и обусловленная идеологическим фактором.

СЛОВАРИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. ССРЛЯ = *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948—1965.

2. СЦЯ = *Словарь церковнославянского и русского языка* : в 4 т. — СПб., 1847.

3. ЮС = *Юридический словарь* : в 2 т. — М. : Госюриздат, 1956.

4. ЮЭС 1984 = *Юридический энциклопедический словарь*. — М. : Сов. энциклопедия, 1984.

5. ЮЭС 1997 = *Юридический энциклопедический словарь*. — М. : Инфра-М, 1997.

ЛИТЕРАТУРА

6. Авакьян С. А. Ни одна страна не может жить без идеологии // *Российская Федерация сегодня*. 2009. № 6. URL: <http://www.russia-today> (дата обращения: 02.11.2013).

7. Грацианский П. С. Десницкий. — М. : Юрид. лит., 1978.

8. Исаев И. А. История государства и права России : полный курс лекций. 2-е изд. — М. : Юрист, 1994.

9. Казанцев Н. М. Идеология права государству или идеология государства праву? // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1. С. 42—50.

10. Крючкова Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической терминологии. — М. : Наука, 1989.

11. Малько А. В. Экзамен по теории государства и права: 100 ответов на 100 возможных вопросов : учеб.-метод. пособие. — М. : Фирма Гардарика, 1996.

12. Медушевский А. Н. Идея разделения властей: история и современность // *Социологический журнал*. 1994. № 1. URL: http://krotov.info/lib_sec/13_m/med/ushevsky_01.htm (дата обращения: 02.11.2013).

13. Папаригопуло С. В., Покровский С. А. Предисловие // *Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей*. Вторая половина XVIII в. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959. С. 3—96.

14. Синюков В. Н. Российская правовая система. — Саратов : Полиграфист, 1994.

15. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. — Екатеринбург, 1993.

16. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии: древнерусский период. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956.

17. *Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей*. Вторая половина XVIII века / под. ред. С. А. Покровского. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова